

ЖДАНКИН И. В.

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОМ СЛОВЕ БЕЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ СЛОВЕСНОСТИ

(На материале китайского языка)

В каждом языке имеются свои наиболее типичные способы пополнения словаря. Однако, по-видимому, в любом языке определенное количество новых слов создается без помощи специальных морфологических средств путем простого сложения основ, внешне не отличимых от самостоятельных слов. Последнее обстоятельство нередко ставит язык в затруднительное положение: не имея надежных материальных свидетельств принадлежности таких единиц к определенному уровню, он относится к ним то как к словам, то как к словосочетаниям.

Как известно, письменная традиция таких языков, как русский, немецкий, английский, обычно выделяет слово среди единиц других уровней слитным (слитно-раздельным) написанием его компонентов. Так, судя по письменности, немецкий язык считает сложными словами атрибутивные образования типа *Terrakottafigur* «терракотовая фигура», *Goethezeit* «эпоха Гете», в английском языке словами являются единицы типа *starlight* «свет звезд», *book-shelf* «книжная полка», *kitchen-garden* «огород», в русском — единицы типа *жар-птица*, *рубаха-парень*. Простые сложения напоминают и такие номинации русского языка, как окказиональные существительные *послеобеда*, *довойны* (*в знойное послеобеда*; *давно так не спала, с довойны*)¹. В то же время в английском и русском языках единицы, созданные тем же способом и даже состоящие из тех же материальных элементов, что и упомянутые выше, могут фиксироваться на письме и как словосочетания: *kitchen garden* «огород», *door handle* «дверная ручка», *speech sound* «звук речи», *после обеда*, *после армии* (*оставить баранку на «после обеда»; оставить на «после армии»*).

В ряде исследований предпринимались попытки решить проблему уровневой принадлежности простых сложений. В частности, значительное внимание английским образованиям типа *stone wall*, *door handle* уделял А. И. Смирницкий. Причину неоднозначного подхода к казалось бы однопорядковым явлениям он видит в конверсионной омонимии, которая позволяет осмысливать материально один и тот же атрибутивный компонент сложного образования то как основу существительного, то как прилагательное. В итоге он признает рассматриваемые единицы «нестойкими сложными словами, легко распадающимися и превращающимися в словосочетания» [1, с. 133]. К той же категории слов А. И. Смирницкий относит и многоосновные сложные образования типа *Life insurance company*, *Insurance company building* [1, с. 135]. По-видимому, двойственность природы единиц типа *stone wall*, *door handle* не позволяет стандартно фиксировать их как слова, за исключением тех случаев, когда налицо дополнительные признаки словесности (единое ударение, десемантизация одного из компонентов и т. п.).

В китайском языке способ создания слов путем простого сложения основ является преобладающим. Однако китайская иероглифическая письменность не дает возможности судить, в каком случае сложение потенциально самостоятельных элементов привело к созданию сложного слова, а в каком — словосочетания. На письме иероглифы изображаются отдель-

¹ Эти и последующие примеры из английского и русского языков отмечены соответственно у А. И. Смирницкого [1, с. 114—119] и И. С. Улуканова [2, с. 45].

но один от другого, хотя далеко не редки даже общепризнанные случаи обозначения иероглифом части слова. В то же время безразличие китайского письма к разграничению слова и словосочетания отнюдь не означает, что в китайском языке такой проблемы нет. Фактически эта проблема возникла в связи с попыткой перехода от иероглифической к буквенной письменности, но ее значение выходит за рамки чисто прикладного. Выявление ее любых новых сторон позволяет глубже познать строй и характерные черты китайского языка, яснее увидеть и признаки, сближающие его с другими языками мира, и его специфику. Предпринятое нами обследование газетных текстов на китайском языке, в ходе которого мы пытались выяснить роль частотных компонентов в формировании новых единиц номинации и степень распространения свободного производства слов в речи, дало возможность обратить внимание на некоторые существенные аспекты, которые ранее выпадали из поля зрения исследователей проблемы разграничения слова и словосочетания. Разумеется, в рамках короткой статьи данная проблема не может быть рассмотрена в полном объеме. Мы постараемся лишь наметить путь ее решения применительно к единицам одного из наиболее употребительных структурно-семантических типов: именной атрибутивной модели «относительный признак — предмет».

В настоящее время существование в китайском языке категории сложных слов признается практически всеми китайцами. В то же время различные исследователи подходят к выделению сложного слова по-разному. Так, В. М. Солнцев считает, что в силу нечеткости границы между морфемой и простым словом так же нечетка граница между сложным словом и словосочетанием. Принадлежность сложного образования к уровню слова устанавливается надежно лишь в относительно немногих случаях. Вместе с тем, по мнению В. М. Солнцева, выделять слово все же целесообразно и даже необходимо. Для решения этого вопроса предлагается в ряде случаев становиться на практическую точку зрения, в соответствии с которой часть единиц, имеющих одновременно черты слова и словосочетания, может быть условно отнесена к словам [3].

Другой подход к разграничению слова и словосочетания возник в 50-е годы и продолжает практиковаться в работах многих китайских авторов. Его суть заключается в проверке способности того или иного односложного элемента выполнять некоторые синтаксические функции или употребляться как слово в отдельных речевых стилях (в частности, в устной речи), что, по мнению этих авторов, выявляет его синтаксическую самостоятельность. При этом самостоятельное употребление в некоторых речевых стилях не считается доказательством синтаксической самостоятельности единицы. В результате часть однослогов причисляется к разряду морфем, что дает возможность считать включающие их сложные образования словами.

Рассмотренные подходы к разграничению слова и словосочетания каждый по-своему учитывают существенные особенности китайского языка. В то же время сторонники обеих точек зрения в своих выводах относительно пределов категории сложного слова не принимают в расчет результаты важного языкового процесса, который многими своими чертами напоминает словообразование европейских языков. Исследуя китайские тексты, мы обнаружили множество рядов однотипных единиц, подобных приведенным ниже:

- 1) *цзэжэньгань* «ответственность» (*цзэжэнь* «ответственность», *гань* «чувство»), *гуанжунгань* «гордость» (*гуанжун* «гордость», *гань* «чувство»), *вэйцзигань* «чувство кризиса» (*вэйцзи* «кризис», *гань* «чувство») и т. д.;
- 2) *баочжашэн* «взрыв» (*баочжа* «взрыв», *шэн* «звук»), *логушэн* «грохот гонгов и барабанов» (*ло* «гонг», *гу* «барабан», *шэн* «звук»), *паошэн* «пушечный выстрел» (*пао* «пушка», *шэн* «звук») и т. д.;
- 3) *фанчжичан* «текстильная фабрика» (*фанчжи* «текстиль», *чан* «предприятие»), *чжичичан* «чайная фабрика» (*чжи ча* «производить чай», *чан* «предприятие»), *толацзичан* «тракторный завод» (*толацзи* «трактор», *чан* «предприятие») и т. д.;

4) *богуан* «блики на волнах» (*бо* «волна», *гуан* «свет»), *юэгуан* «свет луны» (*юэ* «луна», *гуан* «свет»), *дэнгуан* «свет лампы» (*дэн* «лампа», *гуан* «свет») и т. д.;

5) *люйю* «окунь» (*лю* «окунь», *юй* «рыба»), *фан'юй* «карась» (*фан* «карась», *юй* «рыба»), *союй* «щука» (*со* «щука», *юй* «рыба») и т. д.

Основу каждого из таких рядов в структурном и семантическом отношении составляют односложные элементы (*гань* «чувство», *шэн* «звук», *чан* «предприятие», *гуан* «свет», *юй* «рыба» и т. п.), выделяющиеся среди других широтой и обобщенностью своей семантики. Употребление этих односложных единиц в качестве самостоятельных слов чаще всего не исключено, но ограничено определенными конструкциями, стилями, контекстами. В китайском языке, вероятно, насчитываются сотни односложных элементов, способных создавать типовые ряды сложных единиц (на 100 страницах газеты «Жэньминь жибао» мы зафиксировали более 230 таких элементов). Немалое число такого рода аффиксоидов используется, например, при создании терминов. Вместе с тем далеко не каждый однослог китайского языка способен быть аффиксоидом. Так, элемент *шэн* «звук» имеет синонимы *инь* и *сян*. Однако ряд однотипных единиц образует только *шэн*. С другой стороны, помимо *шэн* «звук» в китайском языке существуют другие номинативные единицы именного характера, обозначающие признаки предметов, например, *сэ* «цвет», *гуан* «свет», *чжун* «вес» и т. п. В русском языке атрибутивные образования типа «предмет — признак» по структуре одинаковы: *звук выстрела*, *цвет шкафа*, *свет прожектора*, *вес человека*. Ряды однотипных словосочетаний такого рода практически бесконечны (*цвет машины*, *цвет шкафа*, *цвет костюма*...) и факт их существования не имеет для языка никакого значения. В китайском языке мы встречаем совершенно иную картину. Единицы с компонентом *шэн* «звук», обозначающие звук, производимый каким-либо предметом, образуются в неограниченном количестве от любой подходящей по смыслу основы. В то же время функционирование модели, порождающей единицы с общим компонентом *гуан* «свет», ограничено рамками художественного и художественно-публицистического стилей. Что касается односложных единиц *чжун* «вес» и *сэ* «цвет», то они в функции аффиксоида практически не встречаются.

Таким образом, некоторые атрибутивные образования китайского языка имеют в своей основе специальные односложные элементы с широким и обобщенным значением, самостоятельное употребление которых в большей или меньшей степени ограничено определенными стилями, контекстами, конструкциями. Однотипные образования такого рода образуют подчас весьма значительные ряды. Иными словами, налицо внешняя аналогия со словообразованием. Вместе с тем, если встать на любую из изложенных выше точек зрения, придется признать, что составляющие такие ряды единицы либо не являются словами, либо могут быть названы словами лишь условно, либо принадлежат к разным уровням языка, хотя и являются единицами одного и того же ряда.

Сходство рядов языковых (речевых) образований, содержащих аффиксоиды, со словообразовательными рядами в общепринятом понимании нельзя не учитывать при определении границ слова в китайском языке. Назрела необходимость в более глубоком изучении категории единиц номинации типа *фэншэн* «шум ветра», *дэнгуан* «свет лампы», *толацзичан* «тракторный завод», *люйю* «окунь» на предмет выявления тех черт, которые дают теоретические основания считать их, во-первых, единицами одного и того же языкового уровня и, во-вторых, единицами именно словесного уровня. Ниже предлагаются некоторые соображения по данному вопросу.

Прежде всего, как представляется, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в китайском языке существует два структурных типа именных атрибутивных номинаций модели «относительный признак — предмет»: единицы, образованные путем простого соположения компонентов, и комплексы с синтаксическим показателем атрибутивности *ды*. Наличие элемента *ды* свидетельствует о синтаксическом характере единицы, компоненты которой он разделяет. В состав атрибутивного комплекса

с *ды* могут входить только единицы, обладающие синтаксической самостоятельностью. Условно назовем такого рода сложные образования оформленными словосочетаниями.

Категория атрибутивных образований без оформителя определения оказывается в некоторых отношениях довольно разнородной. Компонентами таких единиц могут быть и потенциально самостоятельные слова, и единицы, практически не способные функционировать в речи изолированно от других элементов. Мы не будем, однако, принимать этот признак за основу разделения слова и словосочетания и условно назовем всю категорию атрибутивных единиц, образованных путем простого соположения компонентов, слитными словосочетаниями (этот термин применяется для обозначения сходного явления в некоторых работах по японскому языку [4]).

Итак, оформленные словосочетания отличаются от слитных тем, что в их состав могут входить только самостоятельные единицы. Посмотрим теперь, нет ли между ними других, возможно, более глубоких различий. Для этого вспомним некоторые правила употребления элемента *ды*. Как отмечает Н. Н. Коротков, при именном определении введение *ды* необходимо только «при наличии смысловой и структурной парности обоих членов синтагмы», например, *фуцинъ ды муцинъ* «мать отца» (без *ды* было бы «отец и мать»). По словам Н. Н. Короткова, желательно вводить *ды* также для обозначения посессивного отношения, тогда как в остальных случаях он применяется для передачи идеи переменности признака (*ханьюй ды юйфа* «грамматика китайского языка», *ханьюй юйфа* — «китайская грамматика»). По Н. Н. Короткову, употребление *ды* становится невозможным, если тот или иной признак не может быть представлен как переменный (*ишан цзяцзы* «вешалка для одежды»). У того же автора читаем, что при глагольном определении *ды* «в большинстве случаев» носит необходимый характер, за исключением случаев, когда определение выражает постоянный признак (*цзучжи синши* «организационные формы») [5].

Таким образом, наличие *ды* в словосочетании связано с обозначением переменности признака (за исключением тех случаев, когда этот грамматический показатель играет чисто формальную роль, разъединяя парные в структурном и смысловом отношении единицы). Напротив, отсутствие *ды* всегда указывает на постоянство признака, обозначаемого атрибутивным компонентом. В одних случаях этот признак заведомо постоянен, в других он может быть представлен и как переменный. В любом случае, однако, отсутствие *ды* связано с определенной понятийной цельностью значения атрибутивной единицы.

В качестве атрибутивных компонентов со значением «относительный признак» в слитных словосочетаниях могут употребляться единицы с общим значением «предмет» или «действие», обычно выполняющие именные и глагольные функции, а также различные по структуре сложные комплексы, не имеющие аналогий ни среди существительных, ни среди глаголов, например, *гаошэ* «зенитный» (*гао* «высокий», *шэ* «стрелять»), *цяньюжэнь* «прежний» (*цянью* «прежде», *жэнь* «выполнять обязанности»). Предположим, что атрибутивные компоненты слитных сочетаний — это слова. Следовательно, они должны принадлежать к каким-то классам слов. Если учесть происхождение и функцию этих единиц, то может быть два решения вопроса об их категориальной принадлежности: а) считать, что атрибутивную функцию способны выполнять существительные, глаголы и прилагательные; б) считать, что атрибутивную функцию выполняют только прилагательные и что некоторые относительные прилагательные образуются путем конверсии от соответствующих существительных и глаголов.

На первом этапе проверки можно установить, что единицы именного и глагольного происхождения в качестве атрибутивных компонентов слитных словосочетаний не могут рассматриваться как существительные и глаголы. Общеизвестно, что при выполнении любой синтаксической функции слово должно сохранять наиболее важные свойства своего класса. Между тем единица именного происхождения, например, будучи определением в слитном сочетании, теряет такое свойство существительного, как способ-

ность принимать количественное определение и качественное определение с *ды*². Так, слово *дэн* «лампа» является существительным, о чем свидетельствует, в частности, его способность употребляться в сочетании с определениями *хэнь до* «много», *хуансэ ды* «желтый» (*хэнь до дэн* «много ламп», *хуансэ ды дэн* «желтая лампа»). В то же время к *дэн* «лампа» в слитном словосочетании *дэнгуан* «свет лампы» ни одно из такого рода определений отнесено быть не может (*хуансэ ды дэнгуан* «желтый свет лампы», *хэнь до дэнгуан* «много света лампы»).

Единица глагольного происхождения в качестве атрибутивного компонента слитного сочетания теряет такое свойство глагола, как способность принимать прямое дополнение. Вследствие этого, например, образование *цзучжжи синши* «организационная форма» не может быть истолковано как «организовать форму».

Теперь выясним, есть ли основания говорить о существовании в китайском языке единого класса относительных прилагательных. Исходя из одной лишь синтаксической функции (определятельной), заведомо считая ее словесной, едва ли правомерно делать такой вывод. Словесный характер позиции определяемого в слитном сочетании вызывает сомнение уже потому, что в ней свободно употребляются единицы, не проявляющие качеств слова отдельно от других элементов (*у* «клевета» в *уцзуй* «преступление — клевета», *я* «утка» в *ядань* «утиное яйцо»). Видимо, следует проветрить, как ведут себя рассматриваемые единицы в таких условиях, где они могли бы передать необходимый смысл самостоятельно, без опоры на определяемый компонент атрибутивного образования.

Известно, что в русском языке относительные прилагательные функционируют как обычные слова и вовсе не привязаны к определяемому слову, с которым употребляются в том или ином атрибутивном сочетании: существует, например, словосочетание *станкостроительный завод*, но при необходимости слово *станкостроительный* совершенно свободно употребляется без опоры на слово *завод* (какой завод? — *станкостроительный*; среди заводов этого города выделяются *станкостроительный* и *трубопрокатный*). Здесь проявляется естественное для любого языка стремление к экономному использованию своих средств: при возможности язык избегает многократного повторения в речи одного и того же слова, если только оно не играет ключевой роли для понимания. Так, в китайском на вопрос *та ю цзи бэнь шу?* «Сколько у него книг?» дается ответ *та ю лян бэнь* «У него две», в котором опущено слово *шу* «книга». Точно так же опускаются избыточные слова при ответе на вопросы к атрибутивным компонентам оформленных словосочетаний: на вопрос *ши шэммо шибин?* «Какой солдат?» дается ответ *ши чжунго ды* «Китайский», в котором опущено слово *шибин* «солдат». На этом фоне атрибутивные компоненты слитных словосочетаний (если считать их словами) ведут себя весьма странно: в тех случаях, когда обозначаемый атрибутивным компонентом признак не может быть представлен как переменный, слитное словосочетание всегда употребляется целиком (*ши шэммо чан?* «Какой завод?» — *ши цзичуанчан* «Станкостроительный завод»). При возможности представить такой признак в качестве переменного атрибутивный компонент способен употребляться отдельно от определяемого, но в сопровождении служебного элемента *ды* (*ши чжунго ды* «является китайским», *ши гоцзи ды* «является интернациональным»). Таким образом, атрибутивные компоненты слитных сочетаний не проявляют качеств слова — относительного прилагательного вне атрибутивного комплекса, хотя объективная потребность в этом и имеет место. Следовательно, нельзя считать словесной и позицию определения в слитном словосочетании, а слитные словосочетания, в соответствии с принципом уровневой сочетаемости, следует считать словами.

² В докторской диссертации И. М. Ошанина было высказано положение об утрате признаков части речи прилагательным (существительным), употребленным слитно с существительным в атрибутивном образовании [6]. Однако эта мысль не нашла применения ни в одной из известных нам теорий разграничения слова и словосочетания. Не получила она развития и в работах самого И. М. Ошанина.

Если обобщить все сказанное о слитных словосочетаниях китайского языка, то окажется, что атрибутивные образования этого типа обладают такими важными свойствами слова, как материальная и понятийная целостность, отсутствие синтаксической самостоятельности у компонентов. Как и сложные слова других языков, они практически не допускают разрывов, вклинивания посторонних слов. Разумеется, как и в других языках, здесь могут иметь место исключения, не нарушающие общей картины. Так при перечислении нескольких слов с общим компонентом этот компонент может быть употреблен лишь один раз. При этом нередко используется специальный показатель перечисления *дэн*: *цзичуан*, *цзаочуань*, *дяньши дэн чан* «станкостроительный, судостроительный и телевизионный заводы» (ср. русск. кино- и фотоаппаратура).

Свойства оформленных словосочетаний китайского языка прямо противоположны свойствам слитных. Они с легкостью разрываются, допускают вклинивание посторонних слов. Их значение не имеет самостоятельной понятийной ценности. Компоненты словосочетаний этого типа не оставляют никаких сомнений в своей словесной природе, сохраняя в полном объеме свойства соответствующих классов слов. Это, следовательно, и есть словосочетания в общелингвистическом смысле.

В соответствии с предложенным подходом в категорию слова может быть включено большое количество номинативных образований, которые сами состоят из потенциально самостоятельных слов (слово *цзилинь-хуасюэ-гун'е-гунсы-данвэй* «партком компании химической промышленности провинции Гири» состоит из частей *Цзилинь* «Гири», *хуасюэ* «химия», *гун'е* «промышленность», *гунсы* «компания», *данвэй* «партком», способных быть словами за пределами включающего их сложного образования). С другой стороны, в эту категорию попадают также номинации, включающие несамостоятельные элементы, соотносимые со словами других языков и участвующие в образовании подчас многих сложных слов, как, например, сложная основа *гаошэ* «зенитный» в *гаошэпао* «зенитное орудие», *гаошэ-цзигуаньцян* «зенитный пулемет» и др. Нередко такие несамостоятельные элементы заносятся в словари как обычные слова. В таких условиях целесообразно, как предлагает известный китайский лингвист Люй Шусян, разграничивать «грамматическое слово» и «словарное слово» [7]. Так, приведенное выше образование *цзилинь-хуасюэ-гун'е-гунсы-данвэй* с грамматической точки зрения относится к словам. В то же время включать его в словари, разумеется, нецелесообразно, поскольку при необходимости оно может быть в более или менее стабильном составе произведено из соответствующих сложных основ (потенциально самостоятельных слов).

Предложенное Люй Шусяном разграничение имеет, однако, лишь чисто практическую ценность, позволяя относительно рационально отбирать материал для словарей. Нам представляется, что в структурном отношении сложные слова китайского языка объективно подразделяются на первичные и вторичные. Первичные сложные слова по своей структуре сближаются с суффиксальными образованиями других языков, однако не могут быть полностью отождествлены с таковыми. Лежащий в основе сложных слов этой группы односложный формант (суффиксоид) обычно так или иначе способен употребляться в речи самостоятельно (если, например, считать проявлением самостоятельности употребление в глагольно-объектном комплексе). Вместе с тем, как отмечалось выше, в качестве словообразовательного элемента китайский однослог приобретает обобщающе-классифицирующее значение, в большей или меньшей степени обособившееся от значения соответствующего слова. В данном значении он употребляется только как словообразовательный элемент. Учитывая это обстоятельство, мы начинаем анализ словоподобного комплекса со словообразовательного элемента: минимальный осмысленный отрезок этого комплекса в составе суффиксоида и ближайшего определения к нему мы считаем первичным сложным словом. Такими же первичными сложными словами будут все оставшиеся потенциально самостоятельные определения. Словоподобный комплекс, включающий такого рода единицы, мы считаем вторичным сложным словом. Так, анализируя атрибутивное об-

разование *нэйлуань-иньмоуцзуй* «преступление — заговор с целью вызвать внутренние беспорядки», мы выделяем минимальный осмысленный отрезок с суффиксоидом *цзуй* «преступление»: *иньмоуцзуй* «преступление — заговор». *Иньмоуцзуй* — первичное сложное слово, как и определение *нэйлуань* «внутренние беспорядки». В целом единица *нэйлуань-иньмоуцзуй* является вторичным сложным словом. В то же время комплексы *вэйфань-цзэяньфа-цзуй* «преступление — нарушение закона о военном положении» и *цзучжи-линдяо-фаньгэмин-цзитуань-цзуй* «преступление — организация и руководство деятельностью контрреволюционной группировки», несмотря на свою громоздкость, не раскладываются на составные части. Следовательно, это слова, которые входят в состав своего словообразовательного ряда вместе с такими единицами, как *цзуй* «преступление — клевета» и *шажэньцзуй* «преступление — убийство».

Таким образом, учет некоторых существенных моментов, которые до сих пор практически выпадали из поля зрения исследователей, позволяет взглянуть по-новому на категорию слова в китайском языке. Предложенный вариант анализа, видимо, может быть использован при исследовании аналогичных явлений других языков. Так, по свидетельству А. И. Смирницкого, атрибутивные компоненты английских образований типа *stone wall*, *door handle* могут осмысливаться не только как основы существительных, но и как прилагательные, приобретая некоторые синтаксические признаки слов этого класса, как, например, сочетаемость с наречием (*purely family gathering* «чисто семейная встреча») [1, с. 127]. Однако на деле адъективация такого рода носит крайне ограниченный характер. Единица *family*, например, способна употребляться как относительное прилагательное отдельно от *gathering* только в сопровождении наречия *purely*, тогда как при попытке ее самостоятельного употребления в этой функции, например, в качестве именной части связочного сказуемого, возникают неправильные высказывания (*that gathering was family*). Точно так же в английском языке совершенно исключены высказывания типа *the wall is stone*, *the handle is door*. Вместе с тем употребление настоящего прилагательного как именной части связочного сказуемого не вызывает никаких затруднений (*the atmosphere was friendly* «атмосфера была дружелюбной»).

Принятие изложенной выше точки зрения относительно границ сложного слова в китайском языке позволяет внести ряд уточнений в общую картину китайского словообразования. Покажем, например, как практически решается вопрос о степени свободы использования словообразовательных моделей для производства новых сложных слов (здесь и далее речь идет только о первичных сложных словах) непосредственно в речи.

Тот факт, что не всякое слово является единицей языка, общеизвестен. Акад. Л. В. Щерба, например, писал о словах, появляющихся и существующих только в речи, как об одном из неизменных атрибутов устной речи [8]. М. Д. Степанова, Ю. С. Маслов и другие авторы пишут о широком распространении явления свободного производства слов в немецком и английском языках [9]. «Не предусмотренные никакими словарями» слова [8] — обычное явление для русских текстов всех речевых стилей и самой различной стилистической окраски (*тридцатикопеечный*, *девятинадцатитажный*, *американо-израильский*, *красно-зеленый*). По мнению ряда авторов, свободное производство слов широко распространено и в китайском языке. Приведем высказывание В. М. Солнцева: «В некоторых языках, например, китайском и других языках китайско-тибетской семьи, а также в типологически близких им языках Юго-Восточной Азии производимость слов в речи — массовое и широко распространенное явление» [3, с. 155]. Предложенный подход к выделению слова полностью подтверждает эту оценку масштабов распространения в китайском языке явления свободного производства слов. Такой подход дает возможность систематически исследовать целый ряд словообразовательных вопросов, в частности, вопрос о свободном производстве слов с помощью маркированных моделей, т. е. правил в рамках словообразовательного типа, которые задают общий для группы слов структурный элемент с определен-

ным лексическим содержанием (аффиксоид) и в отдельных случаях регламентируют семантический тип словообразовательной основы, одновременно уточняя характер ее отношений с аффиксоидом.

Как показывает китайский материал, маркированные словообразовательные модели именного атрибутивного типа «относительный признак — предмет» можно подразделить на несколько групп, в каждой из которых отношения между атрибутивным и определяемым компонентами создаваемых слов складываются в определенной степени специфически, не теряя при этом атрибутивного характера. Группируя модели, мы учитывали также семантические особенности их постоянных и переменных компонентов. Именно они оказывают определяющее влияние на степень свободы использования той или иной словообразовательной модели в речи. Ниже приводится наша классификация маркированных моделей:

1. Модели типа «П³ + гуань „учреждение“». Продемонстрируем их свойства на примере следующего словообразовательного ряда: *чэньлегуань* «выставочный павильон», *дяньингуань* «кинозал», *фаньгуань* «ресторан», *тийюгуань* «спортзал», *дашигуань* «посольство», *иньшугуань* «издательство» и т. д.

Если обратить внимание на русские эквиваленты единиц китайского словообразовательного ряда, то бросится в глаза неоднородность их внешнего облика. При создании этих единиц номинации были использованы самые разные приемы, они принадлежат к разным уровням языка: *посольство*, *ресторан*, *спортзал* — слова разных типов, *выставочный павильон* — словосочетание. Китайский язык подвел все соответствующие объекты номинации под общую рубрику, выделив в каждом из них черту «учреждение». В единицах ряда этот компонент значения представлен общим структурным элементом *гуань*. Выделение данного признака в качестве основного продиктовано, казалось бы, законами логики. В таком случае другие языки, имеющие сходные черты с китайским в плане словообразования, как, например, немецкий и английский, поступают «нелогично»: подобной словообразовательной рубрики они не выделяют.

Специфика конкретных объектов, объединенных по признаку «учреждение», в словах нашего ряда отражена атрибутивными компонентами *чэньле* «выставлять», *дяньин* «кино», *даши* «посол» и т. д. Выделение этих признаков опять же, казалось бы, вполне логично. Однако теоретически для обозначения соответствующих объектов могут быть использованы и другие, даже более существенные их признаки. В то же время, как показывает практика некоторых языков, для этого сплошь и рядом выбираются далеко не самые существенные параметры [11]. В любом случае ни один самый яркий атрибут не передает субстанционального характера обозначаемой вещи [12].

Модель «П + гуань „учреждение“» не регламентирует структурно-семантического характера атрибутивного элемента. Между тем этот фактор оказывает определяющее влияние на отношения между компонентами слова. Поэтому в каждой единице ряда данной модели атрибутивные отношения представлены специфической разновидностью:

- а) характеристика учреждения по роду осуществляемой в нем деятельности (*чэньлегуань* «выставочный павильон», букв. «учреждение, в котором что-то выставляется»);
- б) характеристика учреждения по предмету, составляющему основу его деятельности (*дяньингуань* «кинозал», букв. «учреждение, в котором показывают кино», *фаньгуань* «ресторан», букв. «пищевое учреждение»);
- в) характеристика учреждения по отрасли человеческой деятельности, к которой оно относится (*тийюгуань* «спортивный зал», букв. «учреждение спорта»);
- г) характеристика учреждения по его руководителю (*дашигуань* «посольство», букв. «учреждение посла»);

Представим теперь, что слова модели «П + гуань „учреждение“» каждый раз при необходимости свободно создаются в речи. Зная законы

³ Здесь и далее — переменный компонент модели.

языка, в целом не трудно «подогнать» тот или иной объект номинации под правильную рубрику, т. е. в нашем случае выбрать в качестве основы номинации суффиксоид *гуань* «учреждение». Однако в китайском языке существуют другие суффиксоиды, которые частично перекрывают семантику элемента *гуань* «учреждение» (*чу* «место», *юань* «учреждение», *тин* «зал» и т. п.), поэтому спонтанно выбрать нужный словообразовательный элемент не всегда возможно. Выбрать же атрибут, который наилучшим образом характеризовал бы соответствующий объект, еще труднее. Следовательно, при произвольном конструировании слов данной модели для обозначения одного и того же предмета каждый раз появлялась бы новая единица, далеко не всегда способная вызвать нужную ассоциацию у адресата высказывания. Остается признать, что для поддержания нормального общения единицы типа *фаньгуань* «ресторан», *тийюйгуань* «спортзал» и т. п. необходимо держать в памяти и при необходимости воспроизводить в готовом виде.

2. Модели типа «П + *чэ* „поезд“», «П + *цзи* „самолет“». В результате длительного использования в речи словообразовательные модели типа «П + *гуань* „учреждение“» могут приобретать новые значения, которые обычно возникают на базе совокупного значения одного из сложных слов данной модели. Так, в слове *кэчэ* «пассажирский поезд» (от *кэ* «пассажир») элемент *чэ* имеет значение не «средство передвижения», как в словах *хочэ* «поезд», *моточэ* «мотоцикл», *дяньчэ* «трамвай» и т. п., а «поезд», которое образовалось от сложного слова *хочэ* «паровоз, поезд». С другой стороны, в слове *баньчэ* «рейсовый автобус» (от *бань* «очередность») значение суффиксоида *чэ* приобрело другую определенность — «автобус». Таким же образом словообразовательный элемент *цзи* «машина, механизм» приобрел значение «самолет» (от *фэйцзи*). Элементы *чэ* и *цзи* в новых значениях образуют самостоятельные более или менее протяженные ряды сложных слов, например: *хунчжацзи* «бомбардировщик» (от *хунчжа* «бомбить»), *чжаньдоуцзи* «истребитель» (от *чжаньдоу* «бой»), *юйлэйцзи* «торпедоносец» (от *юйлэй* «торпеда»), *цянцицзи* «штурмовик» (от *цянци* «штурмовать») и т. д.

Словообразовательные элементы таких единиц имеют менее широкую семантику, чем в моделях типа «П + *гуань* „учреждение“». Тем не менее их атрибутивные компоненты выбраны также случайно, из разных грамматических и семантических классов. Для поддержания нормального общения единицы типа *кэчэ* «пассажирский поезд», *хунчжацзи* «бомбардировщик» должны храниться в памяти и при необходимости воспроизводиться в речи в готовом виде.

3. Модели типа «П + *чан* „предприятие“». Продемонстрируем их свойства на примере слов следующего ряда: *цзичуанчан* «станкостроительный завод» (*цзичуан* «станок», *чан* «предприятие»), *цзаочуаньчан* «судоверфь» (*цзао чуань* «строить суда», *чан* «предприятие»), *чжичачан* «чайная фабрика» (*чжи ча* «производить чай», *чан* «предприятие») и т. д.

Общим признаком слов, образованных с помощью моделей данного типа, является конкретность семантики их суффиксоидов. Так, безотносительно к какому-либо сложному слову элемент *чан* «предприятие» имеет более узкую семантику, чем, например, суффиксоид *гуань* «учреждение». В ряде случаев модель более строго, чем ранее рассмотренные правила, диктует семантическую принадлежность словообразовательной основы, однако такого рода условия не достигают полной однозначности. Модель «П + *чан* „предприятие“» допускает несколько способов характеристики словообразовательного элемента: по отрасли (*дяньшичан* «телевизионный завод» от *дяньши* «телевидение»), по виду деятельности (*чжичачан* «чайная фабрика» от *чжи ча* «производить чай»), по выпускаемой продукции (*хочайчан* «спичечная фабрика» от *хочай* «спички»). Поэтому, хотя и создаются такие слова легче, чем единицы ранее рассмотренных моделей, подлинная стандартность в их образовании отсутствует. При попытке произвольного конструирования слов данного типа мы неизбежно встретим препятствия, что делает необходимым хранение их в памяти как обычные воспроизводимые единицы.

4. Модели слов типа *люлинь* «ивняк» (*лю* «ива», *линь* «лес»), *живэнь* «японский язык» (*жи* «японский», *вэнь* «язык»). Эти правила предусматривают характеристику словообразовательного элемента по материалу, из которого состоит конкретный объект номинации, либо по национальной или другой принадлежности этого объекта: *сунлинь* «сосновый бор» (*сун* «сосна», *линь* «лес»), *сянцзяолинь* «роща гевеи» (*сянцзяо* «гевея», *линь* «лес») и т. д.;

боланьвэнь «польский язык» (*болань* «Польша», *вэнь* «язык»), *сибань-явэнь* «испанский язык» (*сибанья* «Испания», *вэнь* «язык») и т. д.

В силу стандартного характера соответствующих правил подобные единицы создаются в речи практически беспрепятственно. При этом употребляющиеся в качестве словообразовательных основ названия некоторых крупных стран, а также государств и народов, с которыми Китай в силу их географической близости или по другим причинам поддерживает давние контакты, часто встречаются в сокращенных вариантах (*жи* «Япония, японский», *дэ* «Германия, немецкий», *вэй* «уйгурский» и др.). Названия других стран и народов при создании номинаций этого типа употребляются полностью.

5. Модели создания некоторых географических названий, а также названий некоторых животных, растений и ряда других объектов, например: *бэйцзинши* «город Пекин» (*ши* — город), *тяньцзиньши* «город Тяньцзинь», *лоянши* «город Лоян»;

союй «щука» (*со* «щука», *юй* «рыба»), *фан'юй* «карась» (*фан* «карась», *юй* «рыба»), *цзяюй* «акула» (*цзяо* «акула», *юй* «рыба»);

хуашу «береза» (*хуа* «береза», *шу* «дереву»), *люшу* «ива» (*лю* «ива», *шу* «дереву»), *суншу* «сосна» (*сун* «сосна», *шу* «дереву»).

В отличие от номинаций предыдущего типа, словообразовательные элементы этих единиц своим значением дублируют важный компонент семантики атрибута («город», «рыба», «дереву» и т. п.). Слова типа *бэйцзинши* «город Пекин», *цзяюй* «акула», *суншу* «сосна» образуются в речи совершенно свободно.

6. Модели типа «П + *шэн* „звук“». Смысловой основой номинаций этого типа, в отличие от всех рассмотренных выше, является не суффиксоид, а словообразовательная основа, хотя создание их становится возможным лишь благодаря наличию в языке соответствующих словообразовательных моделей. Ниже приводится ряд слов, образованных с помощью словообразовательного элемента *шэн* «звук»:

чжуншэн «бой часов» (от *чжун* «часы»), *логушэн* «грохот гонгов и барабанов» (от *ло* «гонг», *гу* «барабан»), *цзишэн* «кудахтанье» (от *цзи* «курица»), *фэншэн* «вой ветра» (от *фэн* «ветер»), *коухаошэн* «возгласы» (от *коухао* «возглас»), *ханьшэн* «храп» (от *хань* «храпеть»), *ланланшуйшэн* «шелест страниц» (*ланлан* — подражание шелесту страниц, *шу* «книга»).

Как видно из примеров, звук в каждом конкретном случае стандартно характеризуется по своему производителю. При таком распределении смысловой нагрузки, когда основу номинации составляет атрибутивный компонент, а суффиксоид лишь сообщает о нем дополнительную информацию, способ обозначения атрибута в принципе не играет никакой роли. Семантика модели подразумевает, что в качестве словообразовательной основы самостоятельно может выступать лишь единица, обозначающая предмет, с которым связано понятие о каком-то характерном звуковом эффекте. В ряде случаев для создания слов модели «П + *шэн* „звук“» могут использоваться и единицы типа *шу* «книга». При этом для уточнения характера звука нередко прибегают к помощи дополнительных элементов, например, звукоподражательных междометий (*ланланшуйшэн* «шелест страниц»). Слова моделей типа «П + *шэн* „звук“» могут создаваться в речи практически беспрепятственно.

Таким образом, как и в других языках, в китайском имеются стандартные правила, позволяющие производить слова непосредственно в речи. В рамках именной атрибутивной модели «относительный признак — предмет» нет необходимости запоминать и целиком фиксировать в словарях слова, создаваемые по следующим правилам:

1) соединение суффиксоида со словообразовательной основой, обозначающей материал, национальную или другую принадлежность объекта (*даньфэй* «азотные удобрения», *ланьцюдуй* «баскетбольная команда», *файюй* «французский язык»).

2) присоединение к словообразовательной основе, обозначающей географические объекты, а также виды животных, растений и ряд других объектов, суффиксоида, который осуществляет операцию включения полученной номинации в определенный класс, дублируя при этом важный компонент значения основы (*лояньши* «город Лоян», *люйюй* «рыба окунь», *чжишуй* «жидкость — сок»),

3) присоединение к словообразовательной основе, являющейся одновременно и смысловой базой номинации, суффиксоида, который сообщает о ней какую-то дополнительную информацию (*баочжашэн* «грохот взрыва», *таолуньфа* «способ обсуждения», *гоцзи-гуаньси-ши* «история международных отношений»).

Свобода использования некоторых моделей оказывается несколько ограниченной вследствие того, что по тем или иным причинам создаваемое в их рамках слово должно состоять из строго определенного количества слогов. Так, модель «П + гуан „свет“», как отмечалось выше, не является универсальной при создании слов, обозначающих свет, производимый каким-либо предметом, и используется ограничено для производства двусложных единиц, предназначенных для обслуживания большей частью художественного и художественно-публицистического стиля (*богуан* «блики на волнах», *дэнгуан* «свет лампы», *хогуан* «пламя», *лэйгуан* «слезы», *сягуан* «заря»). В зафиксированном нами ряду слов с компонентом *гуан* отсутствуют и, видимо, в принципе не могут появиться единицы вроде *таньжаодэнгуан* «свет прожектора» или *дяньшицзигуан* «свет телевизора».

В речи не могут свободно использоваться маркированные модели, предназначенные для создания слов с суффиксоидом в качестве смысловой базы, но не регламентирующие структурно-семантической принадлежности словообразовательной основы. В ряде случаев такие модели порождают единицы, имеющие ценность только для данной речевой ситуации, но для языка не существенные (*цзеюци* «устройство для экономии горючего», *хунципайчэ* «велосипед (букв. „автомобиль“) марки „Хунци“», *куньнаньдуй* «неблагополучная (букв. „трудная“) бригада». Они порождены, однако, не стандартными правилами и потому не могут считаться единицами речи. Такого рода образования мы считаем окказиональными словами.

Как нам кажется, широкое применение термина «окказиональное слово», имеющее место, например, в работах И. С. Улуханова [2, с. 44], Ю. С. Маслова [10], Б. С. Исаенко [13, с. 239—318], не вполне оправданно. Б. С. Исаенко, в частности, называет слово *цзуаньфа* «способ проникновения» (букв. «способ всверливания») окказиональным, поскольку породившая его обстановка речи «столь специфична, что даже самый смелый лексикограф не рискнет включить его в словарь общенародного языка» [13, с. 303]. Между тем создано это слово столь же беспретентенно, что и другие слова открытой словообразовательной модели «П + фа „способ“» [*байфа* «способ расстановки», *юйфэйфа* «способ откорма (скота)», и т. п.], и ничем принципиально не отличается от них. По-видимому, это обычное речевое слово, которое бессмысленно выделять среди подобных слов, как в русском языке нет смысла в ряду слов с компонентом *-этажный* выделять (и помещать в словарь) узуальные слова типа *трехэтажный*, *пятиэтажный*, а единицы вроде *семидесятиэтажный* и *трехсотэтажный* считать окказиональными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
2. Улуханов И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. — ВЯ. 1984, № 1.
3. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
4. Пашковский А. А. Слово в японском языке. М., 1980, с. 145—151.
5. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968, с. 365—366.

6. *Ошанин И. М.* Слово и части речи в китайском языке. М., 1946, с. 383.
7. *Люй Шусян.* Ханьюй юйфа фэньси вэньти. Бэйцзин, 1979, с. 21—22.
8. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 24.
9. *Степанова М. Д.* Словообразование и семантические системы (на материале немецкого и английского языков).— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 138.
10. *Маслов Ю. С.* Введение в языковедение. М., 1975, с. 231—232.
11. *Пелевина Н. Ф.* О типологических исследованиях в области семасиологии.— В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков, с. 235.
12. *Уфимцева А. А.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации.— В кн.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 49.
13. *Исаенко Б.* К проблеме границ китайского слова.— В кн.: *Исаенко Б.* Опыт китайско-русского фонетического словаря. М., 1957.